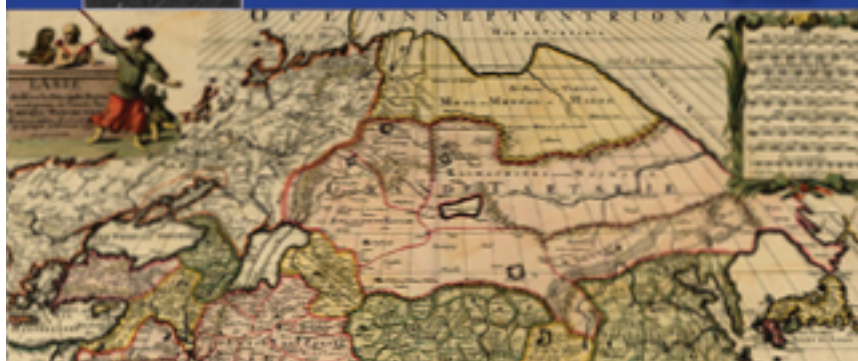

Василий Ян

Финикийский корабль

ФТМ

Василий Ян

Финикийский корабль

«ФТМ»

1930

Ян В.

Финикийский корабль / В. Ян — «ФТМ», 1930

Основой книги «Финикийский корабль» послужили записки одного моряка о его удивительных приключениях на разных морях. Записки эти были на глиняных табличках найденных на раскопках на восточном берегу Средиземного моря, в Сайде, на месте, где когда-то стоял знаменитый финикийский город Сидон.

© Ян В., 1930

© ФТМ, 1930

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
1. Станный старик	6
2. Горшечник рассердился	8
3. Корабль «Северная звезда»	11
4. Я помогаю старику	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Василий Ян

Финикийский корабль

От автора

Любитель древностей доктор Виктория Мартон, несколько лет назад производя раскопки на восточном берегу Средиземного моря, в Сайде, на месте, где когда-то стоял знаменитый финикийский город Сидон, нашла в земле, на глубине семи метров, небольшую библиотеку. Книги этой библиотеки были не похожи на наши. Они состояли из множества глиняных обожженных плиток одинакового размера. На плитках были выдавлены буквы.

Библиотека, найденная Мартон, написана около трех-четырёх тысяч лет назад. Возможно, что раньше она находилась в доме какого-нибудь сидонского жителя, дом обвалился во время войны, землетрясения или пожара и плитки оказались засыпанными землей и камнями. На этом месте затем строились новые дома, которые опять разрушались. Так проходили годы, столетия и тысячелетия, и постепенно библиотеку засыпало толстым слоем «пыли веков».

Благодаря этому покрову древняя библиотека сохранилась до настоящего времени. Ученые прочли и перевели то, что было написано на плитках. Среди отрывков древнейших сочинений по медицине, астрологии и истории оказались также более поздние записки одного моряка о его удивительных приключениях на разных морях. Записки эти послужили основой для повести «Финикийский корабль»...

Часть первая

Путник на белой ослице

1. Странный старик

Утром Ам-Лайли¹, как всегда, разбудила меня на рассвете.

– Вставай, Эли, – шептала она мне на ухо, – довольно спать. Твой хозяин будет бранить тебя, если ты не прибежишь раньше его. Я тебе сварила чечевичную похлебку. Слышишь, как она приятно кипит?

Мне не хотелось вставать. Тепло лежать, свернувшись на бараньей шкуре, прикрывшись старым плащом отца! Я приоткрыл глаза. В очаге пылал огонь. Медный котелок, поставленный на два кирпича, ворчал, выпуская клубы пара. Мать сидела около меня на полу. Красный отблеск огня освещал ее худое смуглое лицо. На щеке у нее выделялись синие черточки – от дурного глаза. Рукой она гладила меня по голове, стараясь разбудить.

За дверью раздались странные звуки, как будто вздохи и рыдания. Мы тихонько встали и подошли к двери.

– Кто там? – спросила мать.

– Помогите мне! – послышался хриплый голос. – Я путник, пришел издалека. Моя ослица захромала. Я выбился из сил, идя пешком. Не бойтесь меня: я совсем слаб и болен.

– Тише, не отвечай! – прошептала мать. – Может быть, это разбойник и только обманывает, чтобы войти в дом.

По лесенке, через дыру в потолке, я взобрался на крышу и осторожно посмотрел вниз. Действительно, около дома стояла, свесив длинные уши, белая старая ослица. Через спину ее были перекинута два туго набитых мешка с красно-зелеными полосами. Около двери сидел, съежившись, старый человек с длинными растрепанными волосами и седой бородой. Он всхлипывал и бормотал:

– Неужели теперь, когда я добрался до самого моря, злой глаз судьбы раздавит меня! – Он поднял руки к небу и воскликнул:

– О лучезарное солнце, появись скорее, согрей мое замерзающее тело!

Неожиданно под моими руками обвалился кусок глиняной крыши и упал на старика. Он заметил меня.

– Кто ты, кудрявое дитя с черными глазами? Как зовут тебя?

– Меня зовут Элисар, сын Якира.

– Но Элисар значит «тот, кто приносит счастье», а Якир значит «добрый». Поэтому думаю, что ты послан самим солнцем и не можешь принести мне горе...

Солнце бросило первые лучи из-за Ливанских гор.

Мне стало жаль старика.

– Подожди еще немного, путник, перестань плакать. Я поговорю с моей Ам-Лайли. Она самая добрая на земле и, наверное, тебе поможет.

Я спустился обратно в хижину и рассказал все моей матери. Она посмотрела в сторону, сдвинув брови, закутала покрывалом лицо, так что остались видны только ее черные глаза, и отодвинула деревянный засов двери.

– Войди, путник, – сказала она. – Эли, отвяжи мешки и внеси в дом, а ослицу введи во двор и привяжи около курятника.

¹ Ам – по-финикийски «мать»; Лайли – женское имя.

Путник с трудом встал и, цепляясь за стену, хромая, перешагнул через порог. Он сперва казался страшным: волосы дыбом стояли на голове. Но голос его звучал ласково.

Подойдя к очагу, он опустился около огня на скамеечку, вдруг оживился и протянул руку: – Что это такое? Кто сделал такие красивые вещи?

Около очага стояло несколько глиняных корабликов и других игрушек, которые я слепил. Кораблик я сделал совсем такой, какой видел в море: с изогнутым носом, с высокой кормой и перилами для кормчего, с отверстиями в боках для весел.

– Уже год, как я работаю у горшечника, – объяснил я старику. – У него я научился лепить такие кораблики, чтобы они служили светильниками. В середину надо налить масла, а на носу корабля и на его корме выпустить концы двух фитилей. Тогда светильник может гореть двумя огнями. Я обжег эти игрушки в печи у моего хозяина и хочу продать их в Сидоне на базаре.

– Это искусство тебя прокормит, – сказал старик. – Я куплю вот этот светильник, он поможет мне написать книгу – мне, Софэру многоязычному, Софэру-лекарю, бродящему по миру в поисках убежавшей от людей правды.

Старик развязал широкий шерстяной пояс, вынул из него кожаный кошель, достал оттуда серебряное кольцо и дал его мне.

Это было целое богатство! Я поблагодарил путника и отдал кольцо Ам-Лайли.

– Ты сегодня получишь медовые лепешки, – шепнула мне она.

2. Горшечник рассердился

Ам-Лайли принесла глиняный таз и кувшин с водой. Старик вымыл руки и вытер их полосатым полотенцем, которое ему подала мать. Она налила в миску чечевичную похлебку. Мы со стариком сели друг против друга и, обмакивая в густую кашу кусок лепешки, брали темные зерна и ели в задумчивом молчании.

Мать стояла в стороне и, подперев щеку рукой, следила за нами.

Потом она дала мне завернутый в тряпку кусок лепешки и печеную свеклу, а старик положил голову на руки и сразу заснул. Я скорей побежал к горшечнику.

По улице уже проходили рыбаки с веслами и гарпунами на плечах.

Перебегали дорогу женщины с горшками горячих углей. Над плоскими крышами вились голубые дымки.

Я добежал до мастерской горшечника и спросил у раба, который разбивал молотком сухие куски глины:

– Где хозяин?

Он буркнул:

– Уже шипит!

Я осторожно протиснулся к двери. Хозяин расхаживал по мастерской и осматривал большие и маленькие глиняные кувшины. Длинными рядами стояли они на полу и на деревянных полках вдоль стены. Одни уже были покрыты узорами, другие, не обожженные еще, ждали, чтобы старый искусный мастер, тоже раб, нарисовал на них женщин в ярких одеждах, деревья, оленей, коз и охотников с копьями, которые гонятся за львами.

Я пробрался к печке, стараясь не шуметь, влез в отверстие, сгреб в сторону золу и стал раздувать вчерашние угли, пока не затлел огонек; тогда я положил жгут сухой соломы, и огонь весело затрещал.

«Как хорошо, – подумал я, – удалось сразу разжечь!»

Беда, если огонь долго не разгорается или вовсе потухает! Тогда хозяин сердится и кричит, что это плохая примета и случится несчастье: либо лопнут горшки, либо кто-нибудь из рабов заболеет.

Я стал вылезать из печи, и вдруг что-то обожгло мне спину.

Хозяин стоял около печи с плетью. Его лицо, сморщенное, как скорлупа ореха, с растрепанной бородой, было сердито.

– Ты почему опоздал? – закричал он. – Обленился? Кто в детстве был лентяем, тот в старости будет нищим – запомни это. – И он опять ударил меня плетью по ногам. – Ты еще мальчишка, отца у тебя нет, и я должен учить тебя мудрости. Вот я и бью тебя. А что ты должен сказать мне в ответ?

– Спасибо, дорогой Абибаал, за науку, – прошептал я.

– Ты вот опаздываешь, а у меня из-за этого не сохнут горшки!.. Ах, вот что, дерзкий щенок? Ты еще смеешься?

Хотя мне и было больно от плети, но у горшечника, когда он сердится, так смешно трясется борода, совсем как у козла, что я засмеялся против воли.

– Чему ты смеешься? Говори! – Горшечник снова поднял плеть.

Разве я мог упомянуть про его почтенную бороду? Поэтому я сказал:

– Мне смешно вспомнить, что чудной старик мне подарил за глиняный кораблик настоящее серебряное кольцо.

– Какой старик?

Я рассказал, что случилось утром. Абибаал замахал руками и забегал по мастерской.

– Это, вероятно, большой богач! Ты его приведешь ко мне, я ему буду продавать мои светильники и кувшины или я с ним открою большую торговлю посудой и сразу разбогатею.

Он охал, качал головой, наконец сел за гончарный круг.

– Встань около меня и учись, как надо работать.

Перед ним находилась деревянная круглая доска, прикрепленная к прямой подставке. Внизу к этой же подставке был приделан второй деревянный круг.

Горшечник толкал ногой нижний круг, и тогда верхний круг вертелся то медленнее, то быстрее – как было нужно хозяину.

Я подаю кусок мягкой глины. Он с размаху опускает его на середину круга и обминает руками, а круг все время вертится. Питом он вдавливая четыре пальца в середину глины, а большим пальцем прижимает глину снаружи.

Крутящаяся глина под его пальцами начинает превращаться в грубую чашу; тогда он, сжимая пальцы, тянет глину вверх, стенки становятся все выше и тоньше. Руки он постоянно мочит в миске с водой, почему глина легко скользит.

Что он захочет, то и делается под его пальцами из вертящейся глины.

Сперва у чаши стенки все расширяются, но он подхватывает края снаружи и начинает сжимать. Тогда у чаши суживается верх, вытягивается узкое горло, и получается пузатый кувшин, в каком у нас дома хранится оливковое масло.

Хозяин останавливает круг и туго натянутой ниткой срезает кувшин под самым дном. Тогда я беру его бережно, чтобы не помять, и ставлю на полку рядом с другими кувшинами. Такой кувшин должен хорошенько просохнуть.

Потом его прожигают в печи, и он делается крепким. Если он недостаточно просох, то во время обжига может лопнуть.

Работы было много, время летело быстро. Уже близился вечер. Хозяин ворчал, что расходов много, а торговля идет медленно, и все вспоминал странного старика, который мне хорошо заплатил.

Вдруг раздался стук в дверь и просунулась знакомая лохматая голова старика. Он окинул взглядом мастерскую и пробормотал:

– Мир и счастье этому дому полезного дела! – Затем он заметил меня и воскликнул:

– Вот я и нашел тебя, мальчик Элисар, приносящий счастье! Где же твой хозяин?

Хозяин догадался, кто это пришел, ополоснул руки, вытер их о передник и поспешил навстречу гостю:

– И тебе тоже удача во всех делах твоих! Входи, путник.

Он взял под руку старика и ввел его в мастерскую.

– Не нужны ли тебе кувшины? Смотри, какие большие и как хорошо нарисованы на них цветы и звери! Не нужны ли такие чаши или эти светильники?

Старик отмахивался, а горшечник тащил его вперед, показывая свои изделия.

– Мне нужны глиняные плитки, только ровные квадратные плитки, и я их возьму сырыми. Потом принесу обратно, и ты обожжешь их в печке. Сколько будет стоить сотня таких ровных квадратных плиток?

Горшечник помедлил и сказал:

– Сто таких плиток будут стоить десять серебряных колец.

Старик пристально посмотрел на горшечника, подумал, посвистел и направился к двери.

– Если мышь захочет проглотить верблюда, то лопнет, – сказал он и вышел.

Тогда горшечник так рассердился, что неосторожно раздавил кувшин, который только что слепил, и закричал на меня:

– Как посмел этот чужеземный бродяга назвать меня мышью? И он еще живет в вашем доме? Да ты нарочно привел его ко мне, чтобы он посмеялся надо мной! За это не стану больше держать тебя – убирайся с глаз моих! – И, схватив плетень, горшечник бросился на меня.

Я успел поднять свой плащ испачканными в глине руками и в страхе выбежал вон из мастерской.

3. Корабль «Северная звезда»

Выскочив на улицу, я остановился и стал ждать, не позовет ли горшечник меня обратно. Я приоткрыл дверь и заглянул. Горшечник вскочил с места.

– Как, ты опять здесь? – крикнул он и бросил в меня комком глины.

«Кажется, дело кончено», – подумал я и медленно побрел по улице. Мне казалось, что мои ноги так тяжелы, точно к ним привязаны камни. Я спустился к морю. Оно было неспокойно. Большие волны подымались, с грохотом падали и разбивались у моих ног.

Волны оставляли на гладком мокром песке мелкие ракушки, мертвых рыбок с колючками на боку, черные набухшие обломки дерева – может быть, щепки разбитых кораблей.

Я давно не был на морском берегу: целые дни приходилось работать в мастерской, мять глину и смотреть за печкой.

Ветер обдувал мне лицо и трепал волосы. Я оглянулся – лодок не было.

Вероятно, все рыбаки ушли в море на рыбную ловлю.

Под береговым обрывом несколько человек стучали топорами и возились около остова корабля. Я направился туда. Этот корабль имел вид павшего верблюда, которого обглодали шакалы. Голые ребра торчали с обеих сторон.

Они были прикреплены к бревну, лежавшему на земле. Один конец бревна загибался вверх. Я подошел ближе. Как это мастера изогнули такое толстое бревно?

Рабочие обшивали досками ребра корабля; они сверлом буравили дырки и затем загоняли в них большие деревянные гвозди.

Постройкой распоряжался человек, с виду моряк, который мне сразу понравился. Он был сильный, крепкий, загорелый. Его кудрявая голова была перевязана ремнем. Темная шерстяная рубашка подпоясана широким кожаным поясом, на котором висел большой нож в деревянных ножнах. Лицо было веселое, со смелым взглядом, и я подумал: «Хорошо бы и мне быть таким смелым моряком!»

– Куда гребешь? – спросил он меня.

– Смотрю и думаю, как вы согнули такое большое бревно, – ответил я.

– Нос корабля должен быть очень крепок. Мы отыскиваем в Ливанских горах такое дерево, у которого очень толстый изогнутый корень, очищаем ствол от ветвей, а корень сохраняем. Видишь, ствол кедра лежит внизу как основа – киль корабля, а корень подымается вверх.

Около меня послышалось знакомое сопение. Старик Софэр подошел к нам; он слушал объяснения моряка.

– Ты ли хозяин этого корабля?

– Я вместе с товарищами только строю корабль, – ответил моряк, – а хозяин живет в Сидоне. Это богатый купец, он ведет большую торговлю.

Повсюду у него склады товаров и множество кораблей. Они плавают по всему свету. Макар заказал мне построить корабль побольше и покрепче обыкновенного. Этот корабль будет плавать в самых далеких морях, у сердитого океана, где начинается вечная ночь.

– Могу ли я поехать на этом корабле?

– Хозяин Макар деньги любит, и если ты заплатишь, то можешь ехать хоть до конца света.

– Ладно, – сказал старик. – Съезжу в Сидон, поговорю с купцом Макаром. Спасибо за то, что рассказал!

– Плыви дальше с попутным ветром! – ответил моряк.

Старик, держа меня за плечо, бормотал:

– Славный будет корабль! На нем смело можно доехать до Счастливых островов. Пойдем, Элисар, домой. Проводи меня.

Я нехотя побрел домой. Как рассказать матери, что Абибаал прогнал меня? Ей ведь так нелегко было упросить его, чтобы он взял меня в ученье.

– Элисар, почему ты вернулся так рано? – спросила мать, едва мы ступили на порог.

Я остановился, не решаясь сказать.

– Ну, говори же! Что-нибудь плохое?

– Меня Абибаал выгнал вон и бросил вдогонку кусок глины.

– Что же ты наделал? – всплеснула она руками. – Вероятно, ты разбил кувшин или нагрубил хозяину? Ну не плачь, стыдно мальчику плакать!..

Почтенный путник, входи с миром. Очаг согреет тебя.

4. Я помогаю старику

Узнав о моем горе, старик сильно взволновался:

– Как же так: ты учился ремеслу, старательно работал – и вдруг хозяин без всякой причины тебя прогоняет? Здесь несправедливость и человеческая злоба.

Мать сказала:

– Может быть, еще все уладится. Я сама схожу к горшечнику, обниму его ноги, и тогда он пожалеет бедную женщину, потерявшую кормильца дома.

– Нет! – воскликнул старик. – Этот горшечник мне не нравится: у него вид откормленного индюка. Может быть, твой мальчик сумеет заняться другим делом, которое будет не хуже, чем ремесло горшечника.

– Но только чтобы он не сделался моряком, – сказала мать и ушла в угол; она молча плакала.

Старик позвал меня к себе:

– Подойди сюда, сядь передо мной; слушай и отвечай на мои вопросы.

Он опустился на скамеечку, а я, подобрав под себя ноги, сидел против него на камышовой циновке.

– Знаешь ли ты, где можно найти хорошую, чистую глину без примеси песка?

– Еще бы не знать! Ее много там, близ дороги к Ливанским горам.

– Отлично! Мог бы ты наделать глиняных плиток величиной с мою ладонь?

– Он показал сморщенную кисть, покрытую волосами, и растопырил пальцы. – Только плитки надо делать ровными, одинаковыми и чистыми.

– Чтобы они были одинаковы, я сперва сделаю деревянную дощечку такой величины, как тебе нужно, а потом уже буду по этой дощечке обрезать ровные глиняные плитки.

– Ты хорошо смекнул. Если ты мне будешь изготавливать такие плитки, я тебе буду за них платить столько же, сколько хотел платить горшечнику.

Завтра же ты возьмешься за дело.

Я подумал: «Зачем Софэру нужны эти плитки? Не хочет ли он их обратить в золото, как, говорят, умеют это делать хохомы?»²

Но плитки нужны ему были для другого.

– Ты хочешь научиться читать и писать? – спросил Софэр.

– Это только ученые люди могут заниматься таким трудным делом, – проговорила из угла мать. – А при нашей бедности разве мы можем учить этому наших детей!

Софэр взял прутик, насыпал золы на пол, разгладил ее и начертил мне такой знак:

– Что это тебе напоминает?

Я подумал, посмотрел справа, посмотрел слева и сказал:

– Если повернуть немного, то этот знак похож на голову быка с рогами и ушами, – и нарисовал пальцем на золе.

– Верно! Вот этот знак и есть «алеф», по-сидонски³ значит «бык». Если мы этот знак напишем, то будем говорить «а». А вот этот знак похож на дом или шатер – «бет» – и произносится как «б». Ты можешь его повернуть вот так, и тогда он совсем похож на шатер, из которого идет дымок. Ведь наши деды не жили в земляных хижинах, как мы живем теперь, а кочевали с баранами по полям: то здесь расставят свои шатры, то в другом месте, где хорошая трава.

Мать подошла ближе и тоже внимательно смотрела, как старик рисовал на золе свои значки.

² Хохом – ученый, мудрец.

³ Финикияне называли себя сидонцами или «сынами Анат» – «бени Анат».

– Этот знак не напоминает ли тебе голову нашего большого друга и труженика верблюда – «гимель», голову на длинной тонкой шее? Этот значок читается как «г». А вот этот вьется, как волна, и означает «мем» – «вода»

– и читается как «м».

Так Софэр стал мне показывать разные буквы, и я в первый же день выучил, как пишутся некоторые из них. Их можно складывать вместе, и тогда получаются интересные слова. Писать надо справа налево. Первое слово, которое я написал, было «ам», что значит «мать».

На другое утро, когда совсем рассвело и повсюду заблеяли козы, уходившие с пастухами в горы, я побежал к моим друзьям. Они на гумне, около мельницы, заняты были игрою в «шарики».

Все почти были в сборе: Менахем с разбитой губой, тощий Мендола, обжора Гамалиель – две редьки торчали у него за пазухой, – косой Бахья и маленький Ханания. Бахья, прищурив один глаз, целился в рассыпанные глиняные шарики; ловко сбив сразу три, он вдруг увидел меня и закричал:

– Эли, разве сегодня праздник, что ты с нами?

Я раздувался от важности – ведь я мог им рассказать столько новостей, о которых они и не подозревали.

– Сознайся, что ты плохо смотрел за телятами Абибаала и он тебя прогнал, – заметил Гамалиель, принимаясь за редьку.

– Ну так что ж, что прогнал? Зато вчера я смотрел, как строят корабль, и научился писать слова! – И я рассказал им и про старика, и про купленный им мой глиняный кораблик.

Мальчики слушали раскрыв рты, а маленький Ханания даже сел на землю и заревел, говоря:

– Я боюсь, что старик придет ко мне ночью и будет охать и кашлять!

Но остальные на него зашикали. Гамалиель сунул ему в рот недоеденную редьку, и Ханания замолк.

Все мои друзья – отчаянные храбрецы; сколько раз мы вместе ходили на кузницу сердитого Бен-Барзила, и, хотя он бранился и грозил щипцами, мы все равно смотрели, как он плавил медь, светившуюся как солнце; вместе мы пускались на старой лодке в море, ныряли за крабами, каракатицами и морскими ежами, лазили в чужие огороды за горохом, но никогда друг друга не выдавали. Все мы однолетки, кроме маленького Ханании.

Друзья пошли за мной – они хотели посмотреть на волосатого старика и на его старую бедную ослицу. Тихонько вошли мы в хижину и остановились у дверей. Старик, увидев нас, приподнялся и облокотился на руку.

– Кто эти маленькие люди? Я плохо вижу, – простонал он.

– Это мои друзья, дети авалинских рыбаков. Они пришли пожелать тебе скорее выздороветь.

Гамалиель громко воскликнул:

– Проживи сто тридцать лет и повидай весь свет!

– После такого пожелания, конечно, я поправлюсь и еще объеду самые далекие страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.